

чтобы около нихъ нагрѣвали руки сельскія власти и сборщики. Ко всему сказанному остается добавить, что при внѣшнемъ обновленіи Никольской волости, крѣпостныя традиціи очень мало поддавались вліянію времени и новымъ реформамъ; также отсутствовало понятіе о правѣ, о личной неприкосновенности, и въ случаѣ надобности каждый, ни мало не задумываясь, умѣлъ и могъ обходиться своими средствами, не теряя времени на напрасные поиски суда, а вся житейская премудрость исчерпывалась пословицей «съ сильнымъ не борись», и пр.; въ такомъ же туманѣ представлялось понятіе о собственности, о томъ, что можно и чего нельзя, также смутны были представленія о своей и барской землѣ, о недоступности лѣса для общаго пользованія и барскихъ луговъ и озимей для крестьянской скотины.

Все, что мы только-что рассказали и лично наблюдали въ началѣ семидесятыхъ годовъ, все это представляетъ только обратную сторону медали, между тѣмъ, какъ показная сторона могла внушить, особенно людямъ поверхностнымъ, самыя свѣтлыя упованія и надежды; и дѣйствительно десятилѣтіе, о которомъ пларѣчь въ настоящей главѣ, по своимъ непрерывнымъ, вошедшимъ въ привычку урожаямъ, по своему приволью и безмятежности имѣло нѣкоторое право называться счастливымъ.

Такъ или иначе, но все приспособилось къ новымъ порядкамъ... Всюду царила тишь и гладь, а на престольныхъ праздникахъ и пирушкахъ, между подгулявшими мужиками только и слышалось: наши земли—первыя земли... да на нашихъ земляхъ!.. да съ нашими землями!

Ни малѣйшаго движенія или прогресса какъ въ помѣщичьемъ, такъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ, не замѣчалось, да никому и въ голову не приходили какія-либо улучшенія, такъ какъ никольскія земли, эти «первыя» земли, не требовали никакихъ заботъ или затратъ. Всѣмъ и каждому, начиная съ размашистыхъ помѣщиковъ Лихачевыхъ и кончая какимъ-нибудь бобылемъ и пастухомъ мірскаго стада, Мыськой, жилось привольно, сытно и беззаботно, и какъ первымъ, такъ и послѣднему не представлялось особенной надобности быть бережливымъ, трудолюбивымъ и трезвымъ: всѣхъ выручалъ, кормилъ и поилъ, казалось, неистощимый, благодатный черноземъ.